

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 81-11
doi 10.17072/2073-6681-2025-4-5-15
<https://elibrary.ru/absfae>

EDN ABSFAE

Деривация как универсальная категория языка: к 95-летию основателя пермской дериватологической школы профессора Л. Н. Мурзина

Алексеева Лариса Михайловна

д. филол. н., профессор кафедры лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. larissapsu@gmail.com

SPIN-код: 7540-0880

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7336-1067>

Мишланова Светлана Леонидовна

д. филол. н., зав. кафедрой лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. mishlanovas@mail.ru

SPIN-код: 4043-5532

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3332-9753>

Статья поступила в редакцию 23.04.2025

Одобрена после рецензирования 09.08.2025

Принята к публикации 10.09.2025

Информация для цитирования

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Деривация как универсальная категория языка: к 95-летию основателя пермской дериватологической школы профессора Л. Н. Мурзина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 4. С. 5–15. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-5-15. EDN ABSFAE

Аннотация. Статья, посвященная юбилею известного российского лингвиста, основателя пермской школы дериватологии, раскрывает смысл основных понятий и методов данного направления. Дается краткий очерк становления дериватологии, подчеркивается роль в этом процессе лидера пермской школы профессора Л. Н. Мурзина. Отмечается, что термин *деривация* в рамках дериватологии получает широкую трактовку. Центральной идеей дериватологии является представление о языке как синхронно-динамической системе, в которой единицы всех уровней связаны деривационными отношениями, а принцип деривации становится методологической базой описания (моделирования) языковых структур и текстопорождающих процессов. Подчеркивается, что понятие деривации во многом определяет специфику новой лингвистической парадигмы. Традиционное представление о статике (в синхронии) и динамике (в диахронии) языка как антиномии в дериватологии осмысливается как свойственное всякому процессу текстопорождения диалектическое единство воспроизводства и производства.

Одним из важнейших результатов исследований языка в свете деривационной теории стало положение о том, что каждый деривационный шаг (основная динамическая единица) осуществляется одновременно как воспроизводство заданных системой единиц и как производство новой единицы

языка. Показано, что природа любой лингвистической единицы объясняется ее вовлеченностью в процесс текстообразования, а потому производство вторичных языковых единиц в конечном счете диктуется потребностями коммуникации. Предпринимается попытка рассмотрения категории деривации в аспекте трансдисциплинарности. В частности, отмечается, что принцип деривации играет существенную роль в методологии как когнитивных наук, так и естествознания.

Ключевые слова: деривация; пермская школа дериватологии; антинормы языка; синхронная динамика; семиотика; текстопорождение.

Введение

Заметное место в отечественной лингвистике последних десятилетий ушедшего века занимает возникшее в Пермском университете оригинальное теоретическое направление – пермская школа дериватологии. Ее основателем и признанным лидером был Л. Н. Мурзин.

Сейчас, по прошествии трех десятилетий, мы можем точнее оценить место этого направления в отечественной лингвистике, выявить самое важное в его теоретическом фундаменте, объяснить, почему и в лингвистике XXI в. вовсе не ослабевает интерес к идеям дериватологии.

В этой статье попытаемся описать в общих чертах историю возникновения пермской школы. Чтобы решить эти задачи, мы не только вновь проанализировали материалы дериватологических конференций, проведенных в 80-е гг. в Пермском университете, и некоторые диссертационные исследования по проблемам дериватологии, но и, стремясь воссоздать тот особый научный и личностный контекст, в котором эта школа зародилась на рубеже 70–80 гг., перечитали сохранившиеся записи лекций профессора Л. Н. Мурзина, воспоминания его коллег и учеников [Фатическое поле языка 1998].

Добавим, что одним из мотивов, побудивших авторов написать эту статью, стал тот факт, что работы профессора Л. Н. Мурзина, в которых изложены основные положения дериватологии, пока не оцифрованы, и по данной причине для большинства исследователей стали малодоступными.

По инициативе и под руководством Л. Н. Мурзина Институтом языкознания АН СССР в Пермском университете были проведены четыре всесоюзные конференции. Первая конференция, посвященная общим теоретическим аспектам дериватологии, была организована в 1981 г. На следующей дериватологической конференции, проведенной в 1985 г., в центре внимания оказались важные методологические проблемы, в том числе вопрос о роли деривационного анализа (синхронно-динамического описания языка) в диахронических исследованиях [Деривация и история языка 1987]. В рамках третьей конференции (1988 г.) решались вопросы о месте и роли деривации разноуровневых языковых единиц в речевой деятельности (в текстопорождении), то есть,

по сути, о коммуникативном статусе деривации. Четвертая конференция, прошедшая в 1991 г., ставила целью выявление методологической роли принципа деривации в истории языкознания и современной лингвистике.

Как видим, проблематика пермских конференций, затрагивая самые основы теоретической лингвистики, остается актуальной и в наше время. Особенно востребованными в современной лингвистике оказались дериватологические взгляды на процессы текстообразования. Главный вывод дериватологии в отношении текста – это то, что функции любой лингвистической единицы в конечном счете определяются текстом, и природа ее может быть раскрыта (объяснена) вовлеченностью этой единицы в процесс текстообразования. Поэтому текст может быть назван своего рода «полигоном», позволяющим наблюдать жизнь самого текста, а также всех его компонентов. Многие положения дериватологии свободно и логично вписываются в современные суждения о природе текста как комплексного явления и о дискурсе, рассматриваемом с позиции транслингвистики.

Участниками конференций по дериватологии были такие известные лингвисты, как Н. Ф. Алефиренко, И. К. Архипов, Г. И. Богин, Э. П. Васильева, Е. Л. Гинзбург, Н. Д. Голев, В. И. Заботкина, В. И. Карасик, А. К. Киклевич, Е. С. Кубрякова, В. М. Никитевич, Б. Ю. Норман, Л. В. Сахарный, П. А. Соболева, И. П. Сусов, З. А. Харитончик, С. С. Хидекель, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др. На каждой конференции присутствовало более ста участников из России, Белоруссии, Германии, Казахстана, Узбекистана, Молдавии и других стран.

Уже на первой из названных научных конференций термин *дериватология* был принят как название нового лингвистического направления, нацеленного на исследование мотивации, механизмов и формальных средств деривационных процессов на всех уровнях и в конечном итоге закономерностей функционирования и эволюции языка [Мурзин 1984: 5]. В 70–90-е гг. было выпущено девятнадцать сборников научных трудов [Фатическое поле 1998: 222–223]. В редакционную коллегию сборников под руководством главного редактора Л. Н. Мурзина входили известные российские лингвисты: Е. С. Кубрякова, Г. Г. Сильницкий, А. М. Шахнарович, В. С. Юр-

ченко. В резолюциях конференций отмечалось, что актуальной задачей теории деривации становится разработка текстообразующих моделей и деривационных грамматик различного типа [там же: 224].

Научные труды по деривации начали публиковаться в 70-х гг. XX в. в издательствах Пермского и Уральского университетов, и очень скоро идеи теории деривации (шире – динамической лингвистики), образующие теоретический фундамент пермской школы, нашли широкий отклик во многих других центрах отечественного языкознания [Алексеева, Мишланова 2015, 2021; Алексеева, Мишланов, Салимовский 2010; Баранов 1988; Мишланов 2010; Карасик 1987; Кубрякова 1998; Полякова 2002; Сахарный 1979 и др.].

Оценивая научные результаты дериватологической школы профессора Л. Н. Мурзина, нельзя не отметить, что он был научным руководителем четырнадцати кандидатских и трех докторских диссертаций, и не менее тридцати кандидатских и четырех докторских диссертационных исследований были проведены под руководством его учеников [Алексеева 1990; Алексеева, Мишланова 2015; Васильева 1986; Мишланов 1996; Мишланова 1998, 2003; Симашко, Литвинова 1993].

Методологический потенциал понятия *деривация*

Известно, что новые теории языка рождаются первоначально в ходе исследования отдельных областей языкознания. Так, например, структурная лингвистика возникла на базе фонологической теории, а психолингвистика и теория речевых актов появились в результате обобщения данных, полученных из сферы языковой прагматики.

Понятие *деривация*, ставшее в дериватологии краеугольным, использовалось в работах Л. Н. Мурзина как синтаксическая категория [Мурзин 1974; Мурзин 1984; Адливанкин, Мурзин 1984]. До появления синхронно-динамических теорий языка (порождающих грамматик) термин «деривация» в языкознании употреблялся только в значении ‘словообразование’ или, еще уже, ‘аффиксальное словообразование’ [Ахманова 1966]. Терминологическое сочетание «синтаксическая деривация» было введено в нашу науку Е. Куриловичем, который использовал его для обозначения особого вида аффиксального словообразования, противопоставленного «лексической деривации» [Курилович 1962]. В работах Л. Н. Мурзина этим термином обозначены не диахронические процессы образования отглагольных или отадективных имен (*приехать* → *приезд*, *смелый* → *смелость*), а синхронные процессы производства вторичных синтаксических единиц (в общем процессе рече-

порождения), в частности, так называемые номинализации, или трансформации предикативных конструкций в непредикативные (дезактуализованные) конструкции с именем в качестве синтаксически опорного компонента (*Иван приехал вечером* → *вечерний приезд Ивана...*) [Мишланов 2010].

В современном лингвистическом дискурсе словосочетание «синтаксическая деривация» чаще всего употребляется именно в том значении, в каком оно используется в докторской диссертации Л. Н. Мурзина, – ‘образование производных синтаксических единиц’, а понятие *деривация* предельно расширило свой экстенционал, став обозначением образования «любых вторичных знаков...», которые могут быть объяснены с помощью единиц, принятых за исходные, или выведены из них путем применения определенных правил, операций» [ЛЭС 1990: 129]

Почему Л. Н. Мурзин положил в основу нового лингвистического направления именно это понятие? Деривация как понятие словообразования касается отношений между уже готовыми языковыми выражениями, существующими в системе языка до речевого акта, то есть является «диахронно-динамической» категорией. Однако, разрабатывая свою теорию, Л. Н. Мурзин следовал концепции В. фон Гумбольдта, понимавшего язык как *энергию*, и именно термин *деривация* (дословно ‘отклонение’ [от заданного, уже существующего в языке]), не привязанный внутренней формой лишь к представлению о словообразовании, по мысли ученого, более всего отражает динамическую сущность языка, способ его существования (в согласии с философским тезисом о движении как условии существования материи).

С учетом того, что в лингвистике второй половины XX в. возрос интерес к языковой процессуальности (к функциональному аспекту языка, к порождающим грамматикам), а термин *деривация* стал постепенно связываться с синхронной динамикой языка, и возникла идея о создании на базе «принципа деривации» [Кацнельсон 1967] нового лингвистического направления – теории деривации, или дериватологии.

Обобщая методологический принцип деривации, профессор Л. Н. Мурзин вывел следующую формулу: $A + \alpha \rightarrow B(A\alpha)$, где A и B – языковые знаки, принадлежащие любому уровню, α – показатель (оператор) деривации [Мурзин 1984]. Как следует из этой формулы, деривационный механизм предполагает частичное тождество компонентов A и B . Из двух тождественных в каком-либо отношении компонентов производной является более сложная в структурном и/или функциональном плане единица.

Отмечая скрытый от непосредственного наблюдения характер деривационных единиц (шагов), исследователи соотносили деривацию с «переводом» внутренней речи во внешнеязыковую структуру средствами естественной речи [Адливанкин, Мурзин 1984: 8–9]. Таким образом, деривация определяется как комплексный процесс, протекающий на глубинном и поверхностном уровнях – как «мысле-речевое (мысле-внутреннеречевое) действие, состоящее в порождении предикативных (коммуникативных и номинативных) единиц, и производство на их синтактико-семантической основе из языковых строевых материалов по языковым моделям до известной степени аутентичных конструкций натуральной речи» [там же: 10].

Деривационный анализ можно охарактеризовать как внутреннюю реконструкцию деривационной истории производной (вторичной) языковой конструкции, то есть воссоздание процесса ее порождения, опирающееся на сопоставление производной языковой единицы с исходными (первичными) единицами [Кубрякова, Панкрац 1982: 15]. Иначе говоря, данный метод предполагает анализ следов внутреннеречевых деривационных процессов, оставленных во внешней речи, и создание деривационной гипотезы производства исследуемой языковой единицы.

Как следует из сказанного, реконструкция деривационных процессов (последовательности «деривационных шагов») становится главной задачей исследования языка в аспекте дериватологии. Методологическая значимость такого подхода состоит в том, что понятие деривации позволяет объединить в теоретических рассуждениях антиномические категории статики и динамики, синхронии и диахронии, ибо диахронические процессы, протекающие на разных уровнях языка, онтологически тождественны относящимся к синхронии деривационным шагам.

Между динамикой и синхронией

Вслед за И. А. Бодуэном де Куртене, Л. Н. Мурзин различал два языковых механизма: воспроизводство и производство языка, характеризующие соответственно статику и динамику языка [Деривация и история языка 1987: 7]. Но статику/динамику он трактует по-новому, считая их диалектическими сущностями, то есть рассматриваемыми с позиции ведущего/ведомого механизма [Мурзин 1974, 1982, 1987]. В данной дихотомии ведущим процессом считается производство языковых единиц, детерминирующее воспроизводство, поскольку воспроизводство нужно не само по себе, а с целью последующего производства [Принцип деривации 1991: 36].

Идеи о том, что традиционные взгляды на динамику языка недостаточны, воплощаются в работах «Основы дериватологии» (1984) и «Текст и его восприятие» (1991), где понимание языковой динамики обретает форму законченной концепции.

Занимаясь исследованием динамики языка, Л. Н. Мурзин раскрыл диалектическую суть соотношения статики и динамики языка. По его словам, язык есть постоянная деятельность общения и как таковой является условием саморазвития. «Но всякая деятельность имеет определенный результат, некоторый продукт. Поэтому язык как деятельность предполагает язык как продукт этой деятельности. Это две стороны одного и того же явления – языка: динамика и статика» [Мурзин 1984: 9]. В статике, имеющей дело с совокупностью единиц, заданных системой, констатируются некоторые факты и фиксируются отношения между единицами языка. В динамике исследуются языковые процессы, правила образования языковых единиц и в целом функционирование языка как средства общения [там же].

Здесь мы подходим к чрезвычайно важному лингвистическому понятию – *синхронной динамике языка*. Благодаря ему могут быть гносеологически объединены антиномические понятия синхронии (процессов текстопорождения) и диахронии (исторического развития языка). С точки зрения структурной лингвистики термин *синхронная динамика* кажется алогичным, поскольку понятие статичности языка приводит к осмыслению синхронии как статики. Природа деривации синхронна, поскольку деривационный процесс, имея протяженность во времени, происходит одновременно со множеством других процессов, то есть представляет собой синхронный процесс.

В этом смысле деривацию называют третьим измерением языка: порождаемые единицы рассматриваются не как «заданные списком или непосредственно представленные в тексте, а в качестве результата порождающего процесса, образующего более сложные единицы из более простых по определенным правилам» [Сильницкий 1982: 4].

Идею динамизма языка Л. Н. Мурзин считал центральной в современной лингвистике [Деривация и история языка 1987: 10]. В монографии «Синтаксическая деривация: Анализ производных предложений русского языка» он обосновывает мысль о том, что динамический аспект языковой системы (или синхронная динамика языка) проявляется в первую очередь в деривационных отношениях [Мурзин 1974: 8].

Считается, что традиционная грамматика, приписывая языку устойчивость, неизменность,

рассматривала языковые единицы как уже существующие в системе (а потому и не выходила за рамки предложения). Дериватология, сосредоточиваясь на деривационных отношениях, то есть на синхронно-динамических процессах, описывает любые языковые единицы как «момент движения» в синхронии (из глубинных структур в поверхностно-синтаксические) и в диахронии (в истории). Таким образом, антиномия статики-динамики в дериватологии осмысливается как диалектическое противоречие текстопорождения, которое является одновременно воспроизводством (статикой) и производством (динамикой).

Новый взгляд на язык связан с тем, что «в конце столетия язык для нас становится подлинно динамическим объектом, не лишенным не только достаточной строгости, но и творческого начала» [Мурзин 1996: 14].

Таким образом, понимание в рамках дериватологии статики и динамики языка как диалектического единства позволяет подойти к вопросу о сущности синхронии/диахронии языка с этих же позиций, то есть интерпретировать их как онтологическое единство синхронных и диахронных процессов. Такая интерпретация формирует особый взгляд на развитие языка как на такой процесс перехода в новое состояние, который включает предшествующие этапы воспроизводства языка. Л. Н. Мурзин видел динамику в синхронии языка, утверждая, что «динамическая система языка в той же степени синхронна, в какой синхронна система готовых единиц, хранящихся в памяти говорящего» [Деривация и история языка 1987: 7].

Деривация и семиотика

Принцип деривации в новой лингвистической парадигме обусловлен пониманием языка как семиотического феномена [Адливанкин, Мурзин 1984; Алексеева, Мишланова 2021; Кубрякова 1998; Мурзин 1984, 1991; Сахарный 1979 и др.]. Для дериватологии существенно то, что текст является вербальным заместителем вне-текстовой ситуации. В этом выражен главный семиотический принцип «стыковки» двух разных систем – мира реальных вещей (референтов) и мира языковых знаков.

«Ставя знак в соответствии объекту, человек производит сложнейшие логические и психологические операции. Так как каждый объект неповторим и индивидуален и вместе с тем принадлежит к множеству классов, то в большинстве случаев, чтобы удовлетворить потребности в общении, приходится создавать все новые и новые знаки. Фактически коммуниканты почти всегда создают знаки или приспособляют к данному случаю готовые, т.е., в сущно-

сти, преобразуют их в новые знаки. Отсюда очевидна роль деривации в коммуникативном семиотическом процессе» [Мурзин 1984: 17]. Не элементарный текст всегда уникален – не только в содержательном плане, но и в плане выражения.

Л. Н. Мурзину принадлежит заслуга открытия основных законов текстообразования – *инкорпорирования*, в результате которого на глубинном уровне осуществляется включение в актуальное предложение содержательных компонентов предтекста, *контаминации* и *компрессии* (необходимого сжатия компонентов предтекста, соединяемых с ремой актуального высказывания) [Мурзин 1984: 22].

Исследование деривации подводит к пониманию того, что она находится на «пересечении» двух форм языковой динамики: реализация деривации относится к речи, а результаты ее (имеющие сами по себе коммуникативное значение) обуславливают формирование нового состояния языковой системы, которая в какой-то более поздний момент и является новой основой для последующих актов коммуникации [Мурзин 1989].

Раскрывая знаковую природу каких-либо деривационных явлений, Л. Н. Мурзин широко использовал «семиотические образы», то есть такие знаки-метафоры, которые дают возможность обозначить абстрактные понятия в наглядной, конкретно-образной форме. Так, упомянутые выше механизмы развертывания связного текста (*инкорпорации*, *контаминации* и *компрессии*) требуют от глагола (первичной формы предиката), так сказать, особой поверхностно-синтаксической «гибкости», и это деривационное, по сути, свойство предиката он конкретизировал в образе «глагольной маски». Вне зависимости от того, какую внеязыковую категорию – действие, процесс, свойство – выражает языковой знак, он «надевает» на себя ту или иную «маску» (*глагольную*, *атрибутивную* или *субстантивную*), как только вовлекается в процесс построения текста (ср.: *Я опоздал, потому что ты забыл разбудить меня; Я опоздал из-за твоей забывчивости; Я опоздал из-за тебя* и т. п.) [Мурзин 1993].

Одна из последних научных идей Л. Н. Мурзина заключалась в применении понятия «полевая структура» (используемого при описании недискретных систем) к языку в целом для разработки полевой концепции языка, предполагающей выделение в языке семиотического центра (ядра) и периферии. Такая модель языка представлялась пермским ученым с помощью символического образа *кометы*, в которой есть плотное ядро и большой разреженный хвост [Мурзин 1998]. Поле языка включает, подобно комете,

ядро, состоящее из предельного количества частотных языковых единиц, и периферию, содержащую необозримое количество редко употребляемых единиц. Модель поля основана на особом понимании коммуникативной функции языка, заключающейся в том, что, помимо передачи информации, в речевом акте реализуются функции (интенции) самовыражения, эмоционального воздействия и экспрессии, придающие коммуникации особую *ауру*. Благодаря этим идеям Л. Н. Мурзина термин «фатическая функция языка», введенный Р. О. Якобсоном в узком значении ‘контактоустанавливающая функция’ [Якобсон 1975: 201], получил новое значение и весьма широкое употребление: фатическая коммуникация понимается теперь как самодовлеющее общение, как «общение для души», в противопоставлении коммуникации информативной, или «общению для тела».

Семиотический потенциал дериватологии (то есть возможности методологического оснащения общей знаковой теории идеями и методами теории деривации) определен в первую очередь ее предметной фокусировкой – ориентацией на синхронную динамику языка, на описание законов, механизмов и средств создания производных единиц (ср.: [Мурзин 1974, 1984; Мурзин, Штерн 1991; Мишланов 1996; Мишланова 1998, 2003; Полякова 2002; Симашко, Литвинова 1993 и др.]).

Выводы

В трудах по дериватологии это направление характеризуется как целостная наука, синтезирующая понятия и методы многих лингвистических дисциплин – синтаксиса, семантики, словообразования, грамматики текста и др. Подводя итоги анализу роли деривации в языке и дериватологии как лингвистического направления, сошлемся на мнение официального оппонента докторской диссертации Л. Н. Мурзина профессора В. Г. Гака, оценившего работу пермского ученого как «первое в нашей стране всестороннее теоретическое исследование синтаксической деривации. В этом ее ценность и научная значимость» [Гак 1998: 171]. Это исследование Л. Н. Мурзина стало методологической основой дериватологии, способствовавшей постановке ряда теоретических проблем, решение которых в рамках таксономической лингвистики было невозможным. Она послужила стимулом создания новых лингвистических направлений, в центре которых стоит человек: лингвокогнитологии, текстологии, тропологии и др.

Теория деривации во многом опередила свое время, и многие ее положения в наше время в координации с современными взглядами в области когнитивной лингвистики, теории дискурса и

других направлений получают новое осмысление. Свойственный современной науке принцип междисциплинарности в деривационную теорию Л. Н. Мурзин заложил изначально, рассматривая ее в соотнесенности с понятиями и методами таких наук, как психология, психолингвистика, трансформационная грамматика, информатика и др. [Мурзин 1990]. Дальнейшее развитие дериватологии во взаимодействии со смежными дисциплинами ставит новые проблемы, решение которых предполагает описание деривации сквозь призму разных моделей: физических, психических, биологических и др.

Аналогичные явления находят широкое отражение в методологии современной науки. Так, М. В. Ильин в статье, посвященной научному направлению в генетике, изучающему, в частности, процессы *свертывания* и *развертывания* информации, характеризует исходную метафоричность термина *фолдинг* (от англ. «развертывание») и возможность его использования не только в рамках генетики, но и в научных направлениях, связанных с семиотикой, с человеческим мышлением, языком и общением [Ильин 2022]. Говард Патти, известный ученый в области фундаментальной биологии и биосемиотики, определил *фолдинг* как механизм семиотического моделирования, способствующего описанию жизни как перетекающих друг в друга процессов свертывания (*folding*) и развертывания (*unfolding*) [Pattee 2023]. В свете этих выводов очевидно определенное родство данного понятия с описанными в дериватологии механизмами текстообразования: свертывания и развертывания [Мурзин 1982, 1984; Мурзин, Штерн 1991 и др.].

Другим важным достижением современной методологии науки является понятие *симплекс*, возникшее в современной науке о жизни при изучении сложных динамических систем (*simplicity*), состоящих из простых процессов окружающей действительности [Cowley 2019a; 2019b]. С. Каули заимствует данный термин из нейрофизиологии, где им обозначается глобальное средство описания любых процессов взаимодействия, включая человеческое сознание и язык. В деривационном плане термин *симплекс* представляет собой сращение английских слов *simple* «простой» и *complex* «сложный», результатом которого явилось новое слово *simplex* из (*simpl-*) + (*-ex*).

Данное общенаучное понятие помогает по-новому взглянуть и на деривацию как базовое понятие динамической лингвистики. Действительно, исходное положение дериватологии соотносится со свойством (предназначением) языковых единиц вовлекаться в процесс построения текста, протекающего по закону инкорпорирования, то есть включения в компрессированном

виде предшествующих единиц в последующее предложение (в прежних терминах это объясняется как диалектическое соотношение *целого* и *единичного*). Дериватология, таким образом, представляет язык как сложнейшую систему текстов, образуемую конкретными описаниями отдельных ситуаций.

Очевидно, что дериватологическая трактовка языка аналогична современному понятию симплекса: в языке совмещаются сложная (complex) система текстов (в определении Л. Н. Мурзина, «полигон») и простые (simple) процессы порождения конкретных текстов. Подобным же образом представляется деривация текста в работе А. Г. Баранова, одного из участников дериватологических дискуссий, рассматривающего процесс порождения текста как создание макроструктуры, или текстового модуля, состоящего из элементарных текстовых модулей [Баранов 1988: 6]. Создание текста, в его представлении, происходит путем развертывания замысла в сложную структуру текста.

Таким образом, дериватология, взаимодействуя с когнитивными науками, демонстрирует во многом иную картину языка, выявляя его динамическую основу – синхронные процессы текстопорождения, обуславливающие диахронные схемы языковой эволюции. Поэтому одновременно дериватология выступает объединяющим началом многочисленных языковых направлений, претендуя на роль общего теоретического знания, позволяющего решать многие современные проблемы языкознания.

Блестящий исследователь языка, Л. Н. Мурзин посвятил свое научное творчество изучению деривации как универсальной категории, не только определяющей функционирование и развитие языка, а потому становящейся методологической сердцевинкой динамической лингвистики, но и обуславливающей многие явления человеческой деятельности и самого мира.

Список литературы

Адливанкин С. Ю., Мурзин Л. Н. О предмете и задачах дериватологии // Деривация и текст: межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Перм. ун-т, 1984. С. 3–12.

Алексеева Л. М. Деривационный аспект исследования термина и процессов терминообразования (на материале научно-технической терминологии русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1990. 161 с.

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Теория деривации (к 85-летию профессора Л. Н. Мурзина) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 3(31). С. 127–135.

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Пермская дериватологическая школа: к 90-летию профессора Л. Н. Мурзина // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2021. № 3. С. 5–12.

Алексеева Л. М., Мишланов В. А., Салимовский В. А. Динамическая лингвистика Л. Н. Мурзина в современном эпистемическом контексте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 4(10). С. 211–218.

Ахманова О. А. Фонология, морфонология, морфология. М.: МГУ, 1966. 107 с.

Баранов А. Г. Деривационные процессы в формировании текста // Деривация в речевой деятельности (Общие вопросы. Текст. Семантика): тез. науч.-теор. конф. Пермь: ИЯ АН СССР; Перм. ун-т, 1988. С. 5–7.

Васильева В. В. О функции ритма в текстообразовании // Деривация и семантика: слово – предложение – текст: межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Перм. ун-т, 1986. С. 160–163.

Гак В. Г. Создание новой науки // Фатическое поле языка. Памяти профессора Л. Н. Мурзина: сб. науч. тр. Пермь: Перм. ун-т, 1998. С. 169–175.

Деривация и история языка: межвуз. сб. науч. тр., Пермь: Перм. ун-т, 1987. 140 с.

Ильин М. В. Модели свертывания и развертывания во всеобщей эволюции мироздания // МЕТОД: московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин: ежеквартал. науч. изд. / под ред. М. В. Ильина; ИНИОН РАН, Центр перспект. методологий соц.-гуманит. исслед. М., 2022. Вып. 12. Т. 2, № 2. С. 174–209.

Карасик В. И. О производности высказываний // Деривация и история языка: межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Перм. ун-т, 1987. С. 92–102.

Кацнельсон С. Д. Порождающая грамматика и принцип деривации // Проблемы языкознания. М.: Наука, 1967. С. 20–23.

Кубрякова Е. С. Когнитивные аспекты процессов деривации // Фатическое поле языка. Памяти профессора Л. Н. Мурзина: сб. науч. тр. Пермь: Перм. ун-т, 1998. С. 45–51.

Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Иностран. лит., 1962. 456 с.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с.

Мишланов В. А. Русское сложное предложение в свете динамического синтаксиса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1996. 40 с.

Мишланов В. А. Синтаксическая деривация в концепции профессора Л. Н. Мурзина и актуальные проблемы русского синтаксиса // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 3 (9). С. 122–127.

Мишланова С. Л. Метафора в медицинском тексте: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1998. 167 с.

Мишланова С. Л. Термин в медицинском дискурсе (образование, функционирование, развитие): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 36 с.

Мурзин Л. Н. Глагол и его маски // Вариативные отношения в языке и тексте: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. С. 4–10.

Мурзин Л. Н. Деривация в синхронном и диахронном аспектах // Деривация и история языка: межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Перм. ун-т, 1987. С. 4–10.

Мурзин Л. Н. Еще раз о языке и речи // Филология на рубеже XX – XXI веков: тез. междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию Пермского университета. Пермь: ПГУ, 1996. С. 13–14.

Мурзин Л. Н. О деривационных механизмах текстообразования // Теоретические аспекты деривации: межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Перм. ун-т, 1982. С. 20–29.

Мурзин Л. Н. Основы дериватологии. Пермь: Перм. ун-т, 1984. 56 с.

Мурзин Л. Н. Полевая структура языка: фатическое поле (текст лекции) // Фатическое поле языка (памяти профессора Л. Н. Мурзина): межвуз. сб. науч. трудов. Пермь: Перм. ун-т, 1998. С. 9–14.

Мурзин Л. Н. Психологическое направление // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 405–406.

Мурзин Л. Н. Синтаксическая деривация: Анализ производных предложений русского языка. Пермь: Перм. ун-т, 1974. 170 с.

Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. 172 с.

Полякова Е. Н. Динамические процессы в пермской географической терминологии во второй половине XX века // Мурзинские чтения: Динамика языка в синхронии и диахронии: материалы межвуз. науч. конф. Пермь: Перм. ун-т, 2002. С. 37–43.

Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистике: тез. докл. Пермь: Ин-т языкозн. АН СССР; Перм. ун-т, 1991. 296 с.

Проблемы динамической лингвистики: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию профессора Леонида Николаевича Мурзина (Пермь, 12–14 мая 2010 г.) / отв. ред. В. А. Мишланов; Перм. ун-т. Пермь, 2010. С. 296–304.

Сахарный Л. В. Коммуникативная номинация: оформление, осознание, типология // Семантика и производство лингвистических единиц: сб. науч. тр. Пермь: Перм. ун-т, 1979. С. 12–36.

Сильницкий Г. Г. Теория деривации и ее место в системе лингвистических дисциплин // Теоре-

тические аспекты деривации: межвуз. сб. науч. тр. Перм. ун-т. Пермь, 1982. С. 3–7.

Симашко Т. В., Литвинова М. Н. Как образуется метафора (деривационный аспект). Пермь: Перм. ун-т, 1993. 218 с.

Фатическое поле языка (памяти профессора Л. Н. Мурзина): межвуз. сб. науч. тр. Перм. ун-т. Пермь, 1998. 225 с.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

Cowley S. J. The Return of Linguaging: Toward a new ecolinguistics // Chinese Semiotic Studies. 2019a. No. 15(4). P. 483–512.

Cowley S. J., Gahrn-Andersen R. Simplexity, languages and human languaging // Language Sciences. 2019b. No. 71. P. 4–7.

Pattee H. H. Symbol Grounding by Folding: The Primary Biosemiosis // Open Semiotics. 2023. Vol. 4. P. 99–109.

References

Adlivankin S. Yu., Murzin L. N. O predmete i zadachakh derivatologii [On the subject and objectives of derivatology]. *Derivatsiya i tekst* [Derivation and Text: an interuniversity collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 1984, pp. 3–12. (In Russ.)

Alekseeva L. M. *Derivatsionnyy aspekt issledovaniya termina i protsessov terminoobrazovaniya (na materiale nauchno-tekhnicheskoy terminologii russkogo i angliyskogo yazykov)*. Diss. kand. filol. nauk [The derivational aspect of studying a term and term formation process (on the material of scientific and technical terminology of the Russian and English languages). Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 1990. 161 p. (In Russ.)

Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. Teoriya derivatsii (k 85-letiyu professora L. N. Murzina) [Derivation theory (to the 85th anniversary of Professor L. N. Murzin). *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2015, issue 3 (31), pp. 127–135. (In Russ.)

Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. Permskaya derivatologicheskaya shkola: k 90-letiyu professora L. N. Murzina [Perm school of derivatology: to the 90th anniversary of Professor L. N. Murzin]. *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i russistiki* [Current Issues of Germanistics, Romanistics and Russistics], 2021, issue 3, pp. 5–12. (In Russ.)

Alekseeva L. M., Mishlanov V. A., Salimovskiy V. A. Dinamicheskaya lingvistika L. N. Murzina v sovremennom epistemicheskom kontekste [Dynamic linguistics of L. N. Murzin in modern epistemic context]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University

Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, issue 4 (10), pp. 211-218. (In Russ.)

Akhmanova O. S. *Fonologiya, morfonologiya, morfologiya* [Phonology, Morphology, Morphology]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1966. 107 p. (In Russ.)

Baranov A. G. Derivatsionnye protsessy v formirovani teksta [Derivational processes in text formation]. *Derivatsiya v rechevoy deyatel'nosti (Obshchie voprosy. Tekst. Semantika)* [Derivation in speech activity (General issues. Text. Semantics): Theses of a scientific-theoretical conference]. Perm, Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences Publ., 1988, pp. 5-7. (In Russ.)

Vasil'eva V. V. O funktsii ritma v tekstoobrazovanii [About the function of rhythm in text-formation]. *Derivatsiya i semantika: slovo – predlozhenie – tekst* [Derivation and Semantics: Word – Sentence – Text: an all-university collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 1986, pp. 160-163. (In Russ.)

Gak V. G. Sozдание novoy nauki [The creation of a new science]. *Faticheskoe pole yazyka. Pamyati professora L. N. Murzin* [The Phatic Field of a Language. In memory of Professor L. N. Murzin: a collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 1998, pp. 169-175. (In Russ.)

Derivatsiya i istoriya yazyka [Derivation and Language History: an interuniversity collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 1987. 140 p. (In Russ.)

Il'in M. V. Modeli svertyvaniya i razvertyvaniya vo vseobshchey evolyutsii mirozdaniya [Models of folding and unfolding in the general evolution of the universe]. *METOD: Moskovskiy ezhekvaral'nik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: A Moscow quarterly of works from social science disciplines]. Moscow, 2022, issue 12, vol. 2, issue 2, pp. 174-209. (In Russ.)

Karasik V. I. O proizvodnosti vyskazyvaniy [On derivation of utterances]. *Derivatsiya i istoriya yazyka* [Derivation and Language History: an interuniversity collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 1987, pp. 92-102. (In Russ.)

Katsnelson S. D. Porozhdayushchaya grammatika i printsip derivatsii [Generative grammar and derivation principle]. *Problemy yazykoznaniya* [The Issues of Linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 20-23. (In Russ.)

Kubryakova E. S. Kognitivnye aspekty protsessov derivatsii [The cognitive aspects of derivation processes]. *Faticheskoe pole yazyka. Pamyati professora L. N. Murzin* [The Phatic Field of a Language. In memory of Professor L. N. Murzin: a collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 1998, pp. 45-51. (In Russ.)

Kurilovich E. *Ocherki po lingvistike* [Essays on Linguistics]. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1962. 456 p. (In Russ.)

LES – *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. 685 p. (In Russ.)

Mishlanov V. A. *Russkoe slozhnoe predlozhenie v svete dinamicheskogo sintaksisa*. Avtoref. diss. doktora filol. nauk [Russian Complex Sentence in the Light of Dynamic Syntax. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 1996. 40 p. (In Russ.)

Mishlanov V. A. Sintaksicheskaya derivatsiya v kontseptsii professora L. N. Murzina i aktual'nye problemy russkogo sintaksisa [Syntactic derivation within L. N. Murzin's conception and current issues of Russian syntax]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, issue 3 (9), pp. 122-127. (In Russ.)

Mishlanova S. L. *Metafora v meditsinskom tekste*. Diss. kand. filol. nauk [Metaphor in medical text. Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 1998. 167 p. (In Russ.)

Mishlanova S. L. *Termin v meditsinskom diskurse (obrazovanie, funktsionirovanie, razvitie)*. Avtoreferat diss. d-ra filol. nauk [A term in medical discourse (formation, functioning, development. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2003. 36 p. (In Russ.)

Murzin L. N. Glagol i ego maski [The verb and its masks]. *Variativnye otnosheniya v yazyke i tekste* [Variative Relations in the Language and Text]. Yekaterinburg, Ural State University Press, 1993, pp. 4-10. (In Russ.)

Murzin L. N. Derivatsiya v sinkhronnom i diakhronnom aspektakh [Derivation in synchronous and diachronic aspects]. *Derivatsiya i istoriya yazyka* [Derivation and Language History: a collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 1987, pp. 4-10. (In Russ.)

Murzin L. N. Eshche raz o yazyke i rechi [Once again about language and speech]. *Filologiya na rubezhe XX – XXI vekov* [Philology at the Turn of the 20th – 21st Centuries: Theses of an international scientific conference dedicated to the 80th anniversary of Perm State University]. Perm, 1996, pp. 13-14. (In Russ.)

Murzin L. N. O derivatsionnykh mekhanizmkh tekstoobrazovaniya [About derivation mechanisms of text formation]. *Teoreticheskiye aspekty derivatsii* [Theoretical Aspects of Derivation: an interuniversity collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 1982, pp. 20-29. (In Russ.)

Murzin L. N. *Osnovy derivatologii* [The Foundations of Derivatology]. Perm, Perm State University Press, 1984. 56 p. (In Russ.)

Murzin L. N. Polevaya struktura yazyka: faticheskoe pole (tekst lektsiy) [The field structure of the language: The phatic field (texts of lectures)]. *Faticheskoe pole yazyka. Pamyati professora L. N. Murzina* [The Phatic Field of Language. In memory of Professor L. N. Murzin: an interuniversity collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 1998, pp. 9-14. (In Russ.)

Murzin L. N. Psikhologicheskoe napravlenie [Psychological perspective]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, pp. 405-406. (In Russ.)

Murzin L. N. *Sintaksicheskaya derivatsiya: Analiz proizvodnykh predlozheniy* [Syntactical Derivation: The Analysis of Derived Sentences of the Russian Language]. Perm, Perm State University Press, 1974. 170 p. (In Russ.)

Murzin L. N., Shtern A. S. *Tekst i ego vospriyatie* [Text and Its Perception]. Sverdlovsk, Ural State University Press, 1991. 172 p. (In Russ.)

Polyakova E. N. Dinamicheskie protsessy v permskoy geograficheskoy terminologii vo vtoroy polovine XX veka [Dynamic processes in Permian geographical terminology of the second part of the 20th century]. *Murzinskie chteniya: Dinamika yazyka v sinkhronii i diakhronii* [Murzin Readings: Language Dynamics in Synchrony and Diachrony: Proceedings of the interuniversity scientific conference]. Perm, Perm State University Press, 2002, pp. 37-43. (In Russ.)

Printsip derivatsii v istorii yazykoznaniya i sovremennoy lingvistike [The Derivation Principle in the History of Language Studies and Modern Linguistics: Proc. of the conference]. Perm, Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences Publ., Perm State University Press, 1991. 296 p. (In Russ.)

Problemy dinamicheskoy lingvistiki [The Problems of Dynamic Linguistics: Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 80th

anniversary of Professor Leonid Nikolayevich Murzin (Perm, May 12-14, 2010). Ed. by V. A. Mishlanov. Perm, Perm State University Press, 2010, pp. 296-304. (In Russ.)

Sakharnyy L. V. Kommunikativnaya nominatsiya: oformlenie, osoznanie, tipologiya [Communicative nomination: formation, comprehension, typology]. *Semantika i proizvodstvo lingvisticheskikh edinit* [Semantics and Linguistic Units Production: a collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 1979, pp. 12-36. (In Russ.)

Sil'nitskiy G. G. Teoriya derivatsii i ee mesto v sisteme lingvisticheskikh distsiplin [Theory of derivatology and its place in the system of linguistic disciplines]. *Teoreticheskie aspekty derivatsii* [Theoretical Aspects of Derivation: an interuniversity collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 1982, pp. 3-7. (In Russ.)

Simashko T. V., Litvinova M. N. *Kak obrazuyutsya metafory (derivatsionnyy aspekt)* [How metaphors are constructed (derivational perspective)]. Perm, Perm State University Press, 1993. 218 p. (In Russ.)

Faticheskoe pole yazyka (pamyati professora L. N. Murzina) [The Phatic Field of the Language (In memory of professor L. N. Murzin): an interuniversity collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 1998. 225 p. (In Russ.)

Jakobson R. O. Lingvistika i poetika [Linguistics and poetics]. *Strukturalizm: 'za' i 'protiv'* [Structuralism 'pro' and 'contra']. Moscow, Progress Publ., 1975, pp. 193-230. (In Russ.)

Cowley S. J. The return of languaging: Toward a new ecolinguistics. *Chinese Semiotic Studies*, 2019a, issue 15(4), pp. 483-512. (In Eng.)

Cowley S. J., Gahrn-Andersen R. Simplicity, languages and human languaging. *Language Sciences*, 2019b, issue 71, pp. 4-7. (In Eng.)

Pattee H. H. Symbol grounding by folding: The primary biosemiosis. *Open Semiotics*, 2023, vol. 4, pp. 99-109. (In Eng.)

Derivation as a Universal Category of Language: On the 95th Anniversary of the Founder of Perm Derivatological School, Professor L. N. Murzin

Larissa M. Alekseeva

Professor in the Department of Linguo-didactics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. larissapsu@gmail.com

SPIN-code: 7540-0880

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7336-1067>

Svetlana L. Mishlanova

Head of the Department of Linguo-didactics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. mishlanovas@mail.ru

SPIN-code: 4043-5532

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3332-9753>

Submitted 23 Apr 2025

Revised 09 Aug 2025

Accepted 10 Sep 2025

For citation

Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. Derivatsiya kak universal'naya kategoriya yazyka: k 95-letiyu osnovatelya Permskoy derivatologicheskoy shkoly professora L. N. Murzina [Derivation as a Universal Category of Language: On the 95th Anniversary of the Founder of Perm Derivatological School, Professor L. N. Murzin]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 4, pp. 5–15. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-5-15. EDN ABSFAE (In Russ.)

Abstract. The article, dedicated to the anniversary of a famous Russian linguist, the founder of Perm school of derivatology, reveals the meaning of the main concepts and methods of this perspective of language research. A brief outline of the formation of derivatology is provided, the role of the leader of Perm school, Professor L. N. Murzin, in this process is emphasized.

The term *derivation* has a broad interpretation within the framework of derivatology. The central idea of derivatology is the concept of language as a synchronous-dynamic system including units of all levels connected by derivational relations. The principle of derivation becomes a methodological foundation for describing (modeling) language structures and text-generating processes. It is suggested that the concept of derivation determines the specificity of a new linguistic paradigm. The traditional idea of statics (in synchrony) and dynamics (in diachrony) of language as an antinomy is understood in derivatology as a dialectical unity of reproduction and production, inherent in any process of text generation.

One of the most important results of language research within the frames of derivational theory is the suggestion that each derivational step (the main dynamic unit) is carried out simultaneously as the reproduction of units specified by the system and as the production of a new language unit. It is shown that the nature of any linguistic unit is explained by its involvement in the process of text formation, and therefore the production of secondary language units is ultimately dependent on the needs of communication. An attempt is made to consider the category of derivation in the aspect of transdisciplinarity. It is noted, in particular, that the principle of derivation plays a significant role in the methodology of both cognitive sciences and natural science.

Key words: derivation; Perm school of derivatology; antinomies of language; synchronous dynamics; semiotics; text generation.